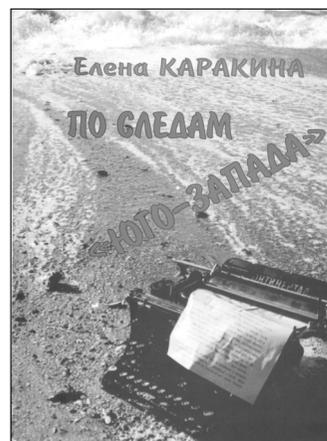

ИЗДАНО . . .

В. РАСПОПИН Рождение школы	307
Феликс КОХРИХТ Вторая проза	310
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ Мимолетности Лады Прокопович	311
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ "Просто дуй в свою трубу..."	314

...В НОВОСИБИРСКЕ

Рождение школы

Елена КАРАКИНА
По следам "Юго-Запада"
Новосибирск, "Свинья и сыновья", 2006

Чуть больше месяца назад в новосибирском издательстве "Свинья и сыновья" вышла новая книжка — небольшая, но замечательно информативная, превосходно написанная и, несомненно, весьма и весьма полезная для учащихся и учащихся, а также и для всех, кто еще отчего-то продолжает по собственной воле портить зрение, разбирая черные значки на белых страницах, вместо того чтобы портить его, уставившись в цветной телевизор, где показывают, как наши, однако, опять не забили, туды его, судью, в качель.

Кое-кто, наверное, удивился: к чему это рецензент приплел футбол, а кто-то, может, и догадался: дело тут не в футболе, а в этой самой "качели", футбол же действительно не при чем, если, конечно, не считать того, что когда-то (примерно тогда же, когда и герои означенной выше книжки) он, футбол, у нас был, причем со своим, не шоколадного цвета лицом. Как было и все то, о чем рассказывает Елена Каракина.

А рассказывает ученый секретарь Одесского литературного музея, филолог и журналист, во-вторых (это только кажется, что — прежде всего, а на самом деле именно во-вторых), о писательской школе "Юго-Запад", которую представляли яркие и самобытные советские прозаики (Исаак Бабель, Юрий Олеша, Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров) и не менее яркий и самобытный поэт Эдуард Багрицкий. Впрочем, сама по себе школа (к коей, разумеется, относятся и другие, не перечисленные выше авторы), может быть, никогда и не существовала, зато существовали писатели и их книги, выходившие и, как ни удивительно, выходящие до сих пор, хотя ни одного из авторов давно нет на свете. Как нет и той страны, в которой эти писатели жили.

Со страной, впрочем, не все столь однозначно. Страны действительно нет. Народ же, населявший ту страну, вымер покуда не окончательно. Не окончательно вымер или уплыл за море также народ, населявший

и страну, и город, откуда вышли все авторы "Юго-Запада", тот самый город, о котором Елена Каракина пишет в своей книжке — во-первых. Город-герой. Город — главный герой, из нашего с вами сегодняшнего далека поистине едва различимый в "плени времени" и "дымке морской". Но и по-прежнему — несмотря ни на что — родной (даже если мы никогда в нем не бывали), по крайней мере, для тех из нас родной, кто читал Бабеля, Олешу, Багрицкого — авторов, ни на кого, кроме, разве что в чем-то друг на друга, не похожих, писателей-одесситов, для которых "воспитание городом стало самым главным фактором в отношении к жизни, а значит — в формировании литературного стиля" (с. 215).

Итак, город — стиль — писатели и книги — вот о чем рассказывает Елена Каракина. Рассказывает легко, интересно и поучительно, но ни в коей мере не нравоучительно и уж во всяком случае, без какого-либо налета академичности. Рассказывает честно, горько и гордо — так, как и должно писать о родине, истории и литературе. Так, как писали лучшие из героев ее книги. Ничего не боясь, ни перед кем не красуясь, не скрывая человеческого в тех, от кого время от времени Аполлон требовал ответа, но и никогда не забывая, что ответ ее герои держали не перед кем-нибудь, а именно перед Аполлоном. И выдерживали. Причем не только потому, что все были талантливы, а некоторые еще и глубоко порядочны, но и потому, что были "воспитаны городом". Так считает автор, и читатель не может не верить, хотя, наверное, в чем-то может и не согласиться.

Но и не соглашаясь с иными выводами или характеристиками (например, с тем, что к концу 20-х — началу 30-х кончилась как талантливый литератор кузина Троцкого Вера Инбер, а началась Вера Инбер как функционер (с. 179), — на мой взгляд, как талантливый литератор она и вообще не начиналась), всякий непредвзятый читатель, перевернув последнюю страницу, останется благодарен автору, представившему нам в лица не общем выражение целую галерею ярких литературных портретов знаменитых одесситов: от дюка Ришелье (брата того самого противника доблестных мушкетеров) или одного из создателей современного Израиля Владимира Жаботинского до всем известного сатирика с потертым портфелем и Н.Г. Гарина-Михайловского (автор "Детства Темы" и железнодорожного моста через Обь родом из Одессы).

А ведь и правда: Одесса это целый мир и вместе с тем великая мифология!.. Даже если ограничиться только этими пятью именами: Ришелье, Жаботинский, Жванецкий, Гарин-Михайловский, Касторский... А ведь Елена Каракина предлагает не пять, а десятки литературных портретов

или как минимум острохарактерных набросков, эскизов, шаржей!.. И почти каждый (здесь следует сказать спасибо издателям) дополнен уже не литературным, а самым что ни на есть настоящим и непременно талантливым графическим портретом, автопортретом, наброском, шаржем, причем выполненным, как правило, кем-либо из героев книжки или близким их кругу современником: Багрицким, Олешей, Кукрыниксами.

Была бы книжка Елены Каракиной еще лучше, если бы к портретной галерее писателей и некоторых их героев (Беня Крик, Остап Бендер) добавилась галерея с зарисовками самого города? Наверное. Но и того, что есть, вполне достаточно — для тех, кто умеет читать.

Ведь, право же, книжка совсем не проста, хоть и легко читается. Она построена не только по законам историко-литературного исследования, она еще и в самом лучшем смысле слова публицистична — так же, как, в сущности, публицистична вся русская литература, в том числе и книги героев Елены Каракиной, сколь бы ни были они, их книги, художественны. Но помимо исследования, книжка эта — еще и самое настоящее исследование, то есть построена в каком-то смысле и по канону хорошего детектива. А ведь и в самом деле так: есть загадка, есть преступление — и не одно, есть (уже в самом названии) следы, по которым и ведет умный, одаренный и замечательно злоязыкий автор читателя от персонажа к персонажу, от портрета к портрету, от героя к среде обитания, от частного к общему, в итоге же — к истокам, к разгадке...

Однако о разгадках, коль скоро перед нами детектив, пусть и литературоведческий, говорить загодя не принято. И я не стану. Но кое о чем все же скажу. Я думаю, книга Елены Каракиной рассказывает не только и не столько о конкретных писателях-одесситах или даже о городе Одессе. Она, в конечном счете, рассказывает о величайшей в истории человеческого духа трагедии, о том, как советские писатели — в полном противоречии с заветом классика — всю жизнь по капле вытраивали из себя человека. Даже лучшие. И потому шаг за шагом утрачивали в своем творчестве воздух свободы, воздух вольного своего города, отчего и не столько воспевали, сколько отпевали Одессу-мату.

Кто-то опять же скажет: такое, мол, было время, все так жили... Кто-то, но не Елена Каракина, судя по этой книжке, исповедующая принцип: правда не бывает лицеприятной. Впрочем, любителей альковных подробностей прошу не беспокоиться — перед нами книга писателя о писателях. Они же, как известно, и малы, и мерзки, да не так, как вы — по-своему!

Так что ж все-таки "Юго-Запад"? Была ли такая литературная школа?

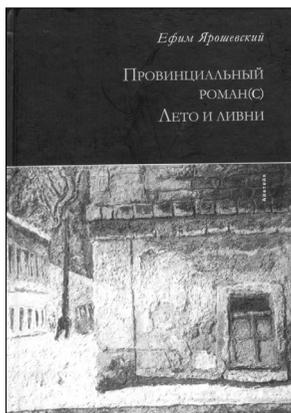
Или же были только писатели Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров, Юрий Олеша — ученики и продолжатели Бабеля, который "был и остается первым среди равных", ведь и впрямь "эхо его рассказов можно найти практически у всех авторов "Юго-Запада"?..

Ответ, однако, ищите в книге, а книгу — в магазинах: пока что ее тысячный тираж еще не распродан.

В. Распопин

...В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Вторая проза

Так озаглавлен второй же раздел сборника Ефима Ярошевского, недавно вышедшего в Санкт-Петербурге. Он поспел как раз к одесской книжной ярмарке "Зеленая волна" — к получению диплома.

По-разному можно относиться манере письма этого автора, к его Ойкумене, но никак не назовешь его прозу вторичной. Ярошевскому чудом удается балансировать на небольшом плацдарме, который оставили для него на одесской почве Бабель, Олеша, Ильф-Петров...

Эклектика — да! Как и все в Одессе — архитектура, культура, литература, живопись... Каждый этнос внес свою лепту в ее облик и суть. Даже тот, который практически не встречается в итогах очередной переписи населения. К примеру, арнауты (малые и большие), а ведь дали название двум улицам в центре города. Караимы, айсоры... Все меньше понтийских греков, практически нет итальянцев (а ведь при Пушкине язык Италии золотой звучал на улице веселой), французов, поубавилось евреев, а ведь когда-то мы были одним из градообразующих демографических факторов...

Впрочем, персонажи Ярошевского составляют уникальный собирательный одесский генотип — Хрущик и Сычик (какие были художники!), Шурик и Степаныч, Гириш и Шмириш... Последнего я придумал только что — он похож на Фиму, но не такой нудный. Зато Фима — талантливый и лукавый и с годами становится похожим на араба и его лошадь еще в большей степени, чем Борис Пастернак.

Нет смысла рецензировать прозу, вошедшую в питерский сборник. Мы это делали не раз: как только где-то в мире выходило очередное переиздание "Провинциального роман(са)", а фрагменты "Второй прозы" печатали в нашем альманахе. Редко кому из современных одесских писателей и поэтов удалось пережить столько переизданий одного произведения. Это вызывает у иных сложные чувства, но придется смириться. Ясно одно — Ярошевского переиздают не из коммерческих или конъюнктурных соображений.

Петербургское издательство "Алетейя" отнеслось к нашему земляку с уважением и любовью. Это чувствуется при первом же взгляде на изящную книгу, при первом к ней прикосновении. Она иллюстрирована работами одесского художника Льва Межберга, ныне живущего в США, и рисунками автора, среди которых доминирует профиль Пушкина, что выдает в Ярошевском учителя русской литературы и любителя черкать на полях.

Предисловие и послесловие к сборнику написали наперсники Ефима по одесской юности, а ныне, соответственно, жители Санкт-Петербурга — Валерий Черешня и Нью-Йорка — Гриша Резников.

Оба мегаполиса пишутся через черточку. Между ними — наша Одесса.

Феликс КОХРИХТ

...В ОДЕССЕ

"Мимолетности" Лады Прокопович

Рассказы молодой писательницы печатались в одесской периодике, а теперь в "ВМВ" вышла ее книга — "Жил-был в Одессе кот", в которой героями стали одесские коты, одесские дети, няни, стильные женщины, незадачливые мужчины...

У Лады Прокопович, несомненно, есть соавтор — ее маленький сын. Гуляя с ребенком, отвлекаешься от взрослого мира, наполненного гулом несущихся, как стада мустангов, машин, дребезжаньем трамваев, льющемся с телеэкранов посулами властолюбцев. Ребенок предлагает тебе свой мир — с божьими коровками, улетающими на небо, где их детки кушают конфетки, с собаками, котами, шишками, травинками, с ма-